

JOLANTA BRZYKCY

 ORCID <http://orcid.org/0000-0001-9563-0723>

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

**ЭМИГРАЦИОННАЯ ФИЛОСОФИЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ГИЗЕЛЛЫ ЛАХМАН
(ПОЭТИЧЕСКИЙ ЦИКЛ ПУТЕВАЯ ТЕТРАДЬ)**THE EMIGRATION PHILOSOPHY OF TRAVELLING BY GIZELLA LAKHMAN (POETIC CYCLE *TRAVEL NOTEBOOK*)

The article is an attempt at analysis of a series of poems entitled *Travel Notebook* (*Путевая тетрадь*), written by Gizella Lakhman (1890?–1969), a little-known and nowadays practically forgotten poet representing the “first wave” of Russian emigration. The cycle is discussed in the genealogical (belonging to the genre of the poetic travel cycle) and biographical context (emigration mobility as an impulse to literary activity). Other poems by Lakhman based on the theme of travel has also been taken into account. In the poet’s artistic worldview, travel bears the traits of philosophy, understood like Plato did, as acquiring wisdom through learning something, as a cognitive practice consisting in a constant search for truth. Behind the artistically diverse forms of mobility of the lyrical subject of Lakhman’s poetry (walk, ride, excursion, hike, journey, expedition, less frequent — wandering) there is a metaphORIZED image of human life, presented in an ontological, epistemological or axiological perspective. The road and being on the road are, among others, an allegory of human life (the motif of *peregrinatio vitae*), a figure of passing, loneliness and interpersonal relations, a reflection of the Platonic myth of the soul. In the analyzed series of poems, the journey around Europe served as an illustration for the poet’s reflections on the passing of mankind and for criticism of the condition of the world in the second half of the 20th century, dominated by mass tourism and commercialism.

Одним из последствий подневольного пребывания в эмиграции представителей «первой волны» русского зарубежья была корректировка парадигмы путешествующего россиянина, которая сформировалась в XVIII и XIX веках в результате многочисленных поездок русского дворянства по Европе и другим континентам земного шара. Большеви́стский переворот и гражданская война в России положили конец традиции туристических, образовательных или медицинских поездок, привели также к существенным изменениям в восприятии русскими беженцами их

собственной подвижности. Пишет об этом немецкая исследовательница Гун-Бритт Колер:

То самое поколение представителей русского *fin de siècle*, чья мобильность в передвижениях на Запад и на Восток еще два десятилетия назад была основополагающей для самоопределения, оказавшись в эмиграции в двадцатые и тридцатые годы, настойчиво отклоняет мысль о продолжительной эмиграции и наперекор всему придерживается намерения вернуться в Россию¹.

В новых исторических обстоятельствах затягивающееся пребывание вне родины воспринималось уже не как зарубежное путешествие, но и не сразу как эмиграция. Согласно замечанию Галины Тиме «[...] поначалу изгнанники избегали называть себя эмигрантами, долгие годы сохраняли российское гражданство и ждали удобного момента для возвращения в Россию»². В литературе и мемуаристике русского зарубежья такая установка породила мотив «чемоданной жизни»³, нашла также ряд иных художественных воплощений. К примеру трагизм и безысходность положения эмигрантов, навсегда утративших возможность завершить путешествие, выразил Георгий Адамович в стихотворении 1936 года *Когда мы в Россию вернемся..., о, Гамлет восточный, когда..?*

Со временем, когда все более очевидной становилась закрытость обратного пути на родину, в литературном творчестве русских эмигрантов появились разные модусы реакции на травму выпадения из отечественного контекста. Колер выделяет три основных модуса: (1) поиски аналога в религиозно определяемом «исходе», которым сопутствовала стилизация самих себя под посланников, носителей старой, истинной России, усердно защищавших ее в неблагоприятных чужбинных условиях, (2) мотив странствия, понимаемого не только как передвижение «без географической цели, без намеченного пути, в состоянии без-

¹ Г.-Б. Колер, *Вездесущность и глубина: «Путешествие в неизвестный край» Юрия Терапиано в контексте травелогов русской эмиграции* // В.С. Киссель (ред.), *Белые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей*, перевод Г.А. Тиме, Новое литературное обозрение, Москва 2010, с. 250.

² Г.А. Тиме, *Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы)* // В.С. Киссель (ред.), *Белые взгляды...*, с. 237.

³ I.A. Ndiaye, «Чемоданная жизнь» русских эмигрантов в «Воспоминаниях» Тэффи // Т. Marczenko, I.A. Ndiaye, D. Nikolajew (ред.), *Twórczość rosyjskiej zagranicą — satyra i memuarystyka*, Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, Olsztyn 2018, с. 109–117.

родности», но и как «неустанное, почти беспорядочное духовное искание», (3) поиски новых возможностей ссылки, новой «духовной матрицы», могущей заменить русскую, а также «духовный или фактический поиск соответствующих мифических пространств»⁴.

Словно бы вопреки физической неподвижности, на которую русских эмигрантов обрекал статус апатридов, их творчество изобилует образами перемещения в физическом пространстве: экспедиций, рейсов, экскурсий, поездок и других форм подвижности⁵. Многие из них приобрели одновременно онтологический, «бытийный» и метафизический смысл, получали знаковый характер.

На непосредственную связь эмиграции и темы путешествия указывает Любовь Бугаева, по мнению которой эмиграция, перестав быть предметом свободного выбора автора, ставит его перед задачей осмыслить опыт пройденного пути:

[...] появление в эмигрантском творчестве темы путешествия-quest'a, инициированной как изгнанием, так и вопросами валентианской формулы, и характерной для творчества практически всех писателей-эмигрантов, получает дополнительную мотивацию: стремление к равновесию и устойчивости и наряду с необходимостью смягчения последствий произошедшей перемены места, состояния и статуса⁶.

Эта стимуляция особенно характерна для творчества женщин-эмигранток. Поскольку тема путешествия, особенно путешествия-quest'a (т.е. странствия в поисках заветной цели) в принципе не очень характерна для женского творчества как такового, что связано, по мнению исследовательницы, с реализуемым в нем архетипом женщины — хранительницы домашнего очага, постольку эмиграция вносит в набор тем, затрагиваемых женщинами, существенный сдвиг:

[...] эмиграция (изгнание из страны) становится условием возникновения в произведениях женщин-эмигрантов темы острова и путешествия-quest'a.

⁴ Г.-Б. Колер, *Вездесущность и глубина...*, с. 251.

⁵ В качестве примера назову *Путешествие в неизвестный край* Юрия Терапиано, *На весах Иова. Странствование по душам* Льва Шестова, *Путешествие Глеба* Бориса Зайцева, прозу Владимира Набокова (*Подвиг, Ultima Thule* и др.) и Нины Берберовой (*Памяти Шлимана*).

⁶ Л. Д. Бугаева, *Литература и rite de passage*, Издательский Дом «Петрополис», Санкт Петербург 2010, с. 158.

Исполняя роль травмы (вызванной наряду с пространственным перемещением необходимостью перехода в новую идентичность), эмиграция тем самым определяет творческую тематику в посттравматический период. Женщина-эмигрант, вследствие перемены, в первую очередь, пространства, вынуждена так или иначе отрефлексировать возникшее в эмиграции состояние отчуждения в терминах пространственной организации (преодолеть его или партиципировать)⁷.

В свете вышесказанного интересно рассмотреть отличающиеся высоким «коэффициентом путешественности» стихотворения Гизеллы Лахман. Поэтесса принадлежит к второстепенным, сегодня почти совсем забытым именам литературы русского зарубежья «первой волны». Ее небольшая rozpoznawаемость, как среди современных читателей, так и исследователей⁸, вытекает из взаимодействия нескольких причин: позднего дебюта, скромного поэтического наследия и маргинализации женской эмигрантской поэзии⁹. Рожденная, как Нина Берберова, Ирина Одоевцева и другие позднейшие поэтессы русской диаспоры, накануне XX века и покинувшая Россию во время гражданской войны, Лахман пришла в эмигрантскую литературу не в 1920-е или 1930-е годы, как ее ровесницы, но лишь после Второй мировой войны. Издала две небольшие книги стихов (*Пленные слова*, 1952; *Зеркала*, 1965), которые,

⁷ Там же, с. 158–159.

⁸ Творчеством Лахман занимались немногие исследователи. См.: Ю. Кочубей, *Дуновение Серебряного века. Вступительное слово* // Г. С. Лахман, *Избранная поэзия*, Тримф, Киев 1997, с. 4–6; Ю. Левинг, «Ахматова русской эмиграции» — *Гизелла Лахман*, «Новое литературное обозрение» 2006, № 5, с. 164–173; О.К. Федорук, *Ліричне диво Гізели Лахман // Перетин знаку: Вибрані мистецтвознавчі статті: У 3 кн.*, Інститут проблем сучасного мистецтва Академії мистецтв України, ФЕНІКС, Київ 2007, кн. 2: *Українська культурологія. Історія та теорія мистецтва. Постаті. Народна творчість. Рецензії*, с. 9–26; J. Brzykcy, *Świat jako tranzyt. Poetyka przestrzeni w poezji Gizelli Lachman*, „Studia Rossica Posnaniensia” 2021, no. 2, с. 11–25; той же, *Na górskich ścieżkach i na życiowym szlaku. Motyw drogi w poezji Gizelli Lachman*, „Slavia Orientalis” 2021, no. 2, с. 385–400.

⁹ Как это убедительно показала Ольга Демидова, произведения молодого поколения русских эмигранток «первой волны» подвергались многоуровневой дискредитации, прежде всего как литература эмигрантская, «затем — как литература молодого поколения [...] и, наконец, как литература собственно женская» (О.Р. Демидова, *Эмигрантские дочери и литературный канон русского зарубежья* // *Пол. Гендер. Культура*, РГГУ, Москва 2000, т. 2, с. 205).

несмотря на одобрительные оценки рецензентов¹⁰, не принесли ей широкой известности.

Биография Лахман вписывается в парадигму эмигрантского скитальчества. Уроженка Киева, поэтесса после большевистского переворота оказалась в Германии, из которой — ввиду еврейского происхождения — переехала в Швейцарию, а затем, в начале Второй мировой войны, в Португалию, откуда переправилась в США. Маршрут скитаний, который можно восстановить на основании биографических справок¹¹, составили: Берлин, Лозанна, Лиссабон, Филадельфия, Нью-Йорк и Вашингтон, где поэтесса умерла в 1969 году. С большой долей правдоподобности можно предположить, что на самом деле он был более сложным.

Переезд каждый раз заставлял Лахман найти жилье, устроиться на работу, получить право на проживание, записать двух сыновей в школу, словом — обзавестись всем необходимым для того, чтобы начать новую жизнь. О попытках «создать былой уют» Лахман писала в одном из самых известных своих стихов, снабженном значимым эпиграфом из стихотворения Николая Гумилева *В этот мой благословенный вечер...* (1917). «Муза Дальних Странствий», которая призывала лирических героев поэта совершать далекие экспедиции, бросать вызов неизвестному и покорять новые уголки земного шара, в стихотворении Лахман упоминается в перевернутом виде: не как покровительница смелых конквистадоров, а как спутница одинокой, усталой и бездомной беженки, стремящейся безличную комнату отеля сделать эрзацем дома. Эти попытки напрасны, превращение чужого пространства в свое место не совершается, а гумилевское странствие уступает место нескончаемым скитаниям:

¹⁰ См. между прочим: А. Биск, *О стихах Гизеллы Лахман*, «Новое русское слово» 1952, 28 декабря; А. Мазурова, *Томик стихов Гизеллы Лахман*, «Русская жизнь» 1953, № 2811 (21 февраля); Р. Березов, «Пленные слова», «Согласие» 1953, № 17, с. 20–21; С. Яблоновский, «Пленные слова», «Русская мысль» 1953, № 544 (10 апреля); Ю. Терапиано, *Новые книги*, «Русская мысль» 1966, № 2428 (19 февраля); Г. Адамович, *Два сборника стихов*, «Новое русское слово» 1966, 3 июля.

¹¹ В. Крейд, *Лахман Гизелла Сигизмундовна*, «Новый исторический вестник» 2001, № 3 (5), с. 190–192; Е. Александров, *Русские в Северной Америке: Биографический словарь*, Конгресс русских американцев — Санкт-петербургский государственный университет, Хэмден–Сан-Франциско–Санкт-Петербург, 2005.

За неделей тихо тянется неделя
 И, быть может, годы мирно здесь пройдут.
 В комнате безличной, в комнате отеля
 Я создать стараюсь свой былой уют.

Разложила книги, вынула портреты
 И накрыла пледом старенький сундук
 С новою надеждой, с песней недопетой
 О конце скитаний, о конце разлук.

Равнодушны стены, но смеются вещи,
 Вылез из-под пледа красочный ярлык.
 Музы Дальних Странствий слышу голос вещей...
 У вещей лукавых свой живой язык¹².

В стихотворении сквозь субъективное мироощущение поэтессы преломляется коллективный опыт ее соотечественников, нагло лишенных прежнего бытийного и бытового контекста.

Эмиграция, согласно процитированному замечанию Бугаевой, обусловила поэзию Лахман, определила ее тематику, концепцию лирического субъекта, репертуар мотивов и соответствующую им метафорную атрибутику. Путь является важнейшим, смысло- и структурообразующим понятием ее стихотворений. Его буквальные изображения, то есть перемещение лирического «я» в физическом пространстве, приобретающее форму поездки, прогулки, рейса, путешествия, странствия, экскурсии, реже — скитания, наделяются переносной семантикой, спектр которой довольно широк, так как она вбирает в себя философские, психологические, меморативные и другие смыслы¹³.

Картина пути и путешествия легла, между прочим, в основу небольшого цикла *Путевая тетрадь* из сборника *Зеркала*. Само заглавие цикла, равно как и его композиция и образ лирического субъекта отсылают к жанру поэтического путешествия, который несмотря на высокую степень размытости генологических границ и неоднозначности признаков обладает несколькими устойчивыми, структурообразующими элементами, как, например, хронотоп дороги, перемещение «я» в физическом пространстве, сочетание повествовательности и описательности, а также наличие субъекта-путешественника, соединяющего

¹² Г. С. Лахман, *Избранная поэзия*, <http://ju.org.ua/ru/literature/749.html> (20.07.2021). В дальнейшем стихи Лахман цитирую по тому же источнику.

¹³ Шпире об этом см.: J. Brzykcy, *Na górskich ścieżkach i na życiowym szlaku...*

в себе сюжет путешествия, его главные мотивы, дорожные впечатления и их передачу¹⁴. Все перечисленные свойства заметны в *Путевой тетради*. Ее сюжетной основой является путешествие по Европе, маршрут которого выявлен уже в заголовочном комплексе. В шести из восьми частей цикла в функции заглавия или инципита выступают топонимы, позволяющие определить местоположение изображенных локусов (*Прогулка по Босфору, Венеция, Via Appia Antica, Анатолийская равнина..., У итальянского озера, Шартрский собор*). В цикле охвачена довольно большая территория «Старого континента», что наряду с небольшим количеством составляющих его частей ослабляет сам мотив путешествия, делает его отрывочным и незавершенным. Если не считать миниатюры, открывающей *Путевую тетрадь*, лишенной топографических ориентиров, в цикл входят три штриха Турции (Анатолия, Стамбул), ведут Венеции, пейзаж не названного итальянского озера, набросок Старой Аппиевой дороги и картина средневекового собора во французском Шартре.

Путевые записки Лахман, по всей вероятности, изобилуют пробелами, опираются на поток внешне несвязных впечатлений от разных европейских уголков. Цикл предстает отрывочным, начальная и конечная точка путешествия не указаны, а лирическое «я» посвящает читателя не во все, а лишь в отдельные эпизоды своей поездки. Лахман не смущается того, что изображаемые ею объекты отдалены в географическом и культурном смысле друг от друга, напротив — она свободно переходит от одного к другому. Такой прием нарушает хронотоп дороги, но смысловое единство цикла сохраняется благодаря идее протекания и разобщенности времени. Не рассматривая эту идею пока подробно, скажу лишь, что именно она берет на себя функцию смыслового стержня *Путевой тетради*.

Фрагментарность изображенного путешествия, будучи жанроформирующим признаком цикла¹⁵, не лишает его иного важного жанрового признака: динамики. В событийном плане она

¹⁴ Е. В. Юферева, *Динамика путешествий в стихах: жанровый и геопоэтический аспекты* // той же, *Динамика периферийных жанров в русской поэзии второй половины XIX века. Монография*, Издавничий дім Дмитра Бураго, Киев 2014, с. 71–183.

¹⁵ Об этом см.: Е. В. Юферева, *Фрагментарность как жанроформирующий признак поэтического путешествия*, «Вісник Запорізького національного університету» 2009, серія: Філологічні науки, вып. 2, с. 116–122.

выражена в передвижении лирического субъекта, сигнализируемом постоянной сменой топонимов. В плане композиционной структуры цикла динамика задается чередованием повествовательного и дескриптивного элементов. Маршрутная ось предстает как изменчивая, но прочная опора, на которой возвышается ряд статичных эпизодов: описания посещаемых субъектом городов, увиденных им памятников архитектуры, картин природы, этнографические замечания. Взаимосвязь динамики пути и статичности пейзажных зарисовок, «выдержек» из дорожной тетради, создает событийную канву путешествия и одновременно выстраивает ритм цикла, придает гибкость его сюжетной и композиционной структуре.

Посещая Европу, лирическое «я» передает неоднородные впечатления. С одной стороны это наброски общепризнанных исторических достопримечательностей европейской архитектуры: храмы, дворцы и крепости Стамбула («византийских куполов узоры», «крепость Магомета»), венецианская площадь Святого Марка, «ряд дворцов» и лагуны с плывучими по ним «в сладкой лени» гондолами, «тысячелетние плиты» Старой Аппиевой дороги, окаймленной могилами, и собор в Шартре — шедевр французского готического зодчества. В поле зрения поэтессы попадает также природа, с экзотикой местного ландшафта, климата и быта. Лахман фиксирует ослов и овец на «нестерпимо нагретом» турецком шоссе, длинную цепь верблюдов, величественно шагающих по желто-ржавому, безводному плоскогорью Анатолии, «зонтики пиний» и кипарисы под «ослепительно синим» итальянским небосклоном. К пейзажам примыкают и этнографические кадры, такие как фигура украшенной цветами Мадонны, стоящая «у стены, [...] в узорчатой нише», выючные верблюды с зашитым в ковры грузом или увиденный в Турции туземец, будто перенесенный в XX век из старозаветных времен:

[...] И как на старинной библейской картине
Там ехал в степи по песчаной равнине,
Качаясь спокойно и плавно в седле,
Быть может к колодцу за свежей водою
Высокий, в бурнуса, старик с бородою
На крохотном сером осле.

На первый взгляд эти зарисовки связаны между собой слабо, всего лишь желанием субъекта запечатлеть все разнообразие

посещаемых стран, собрать в путевой тетради пеструю мозаику случайных, диктуемых дорогой впечатлений. Однако между ними намечается внутренняя связь: упомянутая выше мысль о протекании времени, о разобщенности исторических эпох. Смысловой осью цикла является столкновение древности и современности. В ведутах и пейзажах Лахман соседствуют атрибуты отдельных отрезков времени. Старик в бурнусе, родом из библейской картины, едет по тому же шоссе, по которому мчатся машины. Верблюды, «пространств пустынных короли», шагают рядом с грузовиками; их медленное, горделивое шествие контрастирует с «быстрым бегом автомобильным». Ощущение напластования разных эпох усиливается в Стамбуле, в котором памятники архитектуры превращены в музеи или научные институты, иногда вообще исчезают из городского ландшафта под напором современных, уродливых построек:

[...] Весело плывут навстречу нам
 Византийских куполов узоры,
 Крепость Магомета, старый храм,
 И дворец, где — может быть — в гареме
 Привиденья до сих пор живут,
 Бродят сестры пушкинской Заремы...
 Там теперь — научный институт.
 Гордую мечеть давно успели
 Превратить в музей; а к тем дворцам
 Делают пристройки для отелей
 По американским образцам [...].

Несогласованность старинного и нового обогащается и иными смысловыми оппозициями: высокая поэзия, олицетворяемая героиней *Бахчисарайского фонтана* Александра Пушкина, вытесняется наукой; живая история, запечатленная в судьбах обитательниц гарема, уступает место мертвым музейным реквизитам.

Торжество прагматичной и бездушной цивилизации XX века намечается лирическим субъектом и в Венеции:

На площади Святого Марка,
 Как прежде, кормят голубей, [...]
 Я ряд дворцов все так же пышен,
 И в каждой лавке тот же лев,
 Но над лагунами не слышен
 Как встарь, пленительный напев.

К прекрасному презренья полный
 Моторный катер — быстроход
 Вздывает на каналах волны
 Забрызганных бензином вод.
 «Трамваи» на воде практичны.
 Доступны всем. Им нет числа.
 От них на город необычный
 Тень современности легла [...].

Современность, с ее шумом и быстротой, грязью и техническим прогрессом, беспощадно вытесняет прошлое, подчиняет его себе. Нововведения в архитектуре и городском транспорте Венеции и Стамбула воспринимаются субъектом как варварство, как разрушение прежней красоты, что отражено в образах «забрызганных бензином вод» каналов и моторов водных трамваев, рычание которых заглушило « пленительный напев, несшийся встарь над лагунами ». С обеими ведутами перекликается и рефлексия лирического « я », вызванная видом Аппиевой дороги и основанная на коллизии прошлого и настоящего:

[...] юность с песней на руинах,
 Забыв гробов соседних тлен,
 Пирует: хлеб, плоды и вина
 На камне стертом старых стен. [...]

Неукротимости и экспансивности XX века противопоставлено молчаливое, гордое равнодушие прежних эпох, пытающихся игнорировать происходящее, сохранить старинный образ жизни. « Великолепный город дождей » воспринимает свою участь « равнодушно, свысока », верблюды — своего рода реликты древних цивилизаций, с пренебрежением относятся к машинам, не озираются « на быстрый бег автомобильный ». Заметим, что в обеих ведутах кроме временной оппозиции проходит и другая: коллизия локального и глобального. Именно в таком ключе следует читать замечания Лахман по поводу отелей, строящихся « по американским образцам » рядом с византийскими дворцами, и картины моторных катеров, более удобных и практичных в обслуживании туристов, чем многовековые гондолы. Яркой приметой XX столетия, « века водородных бомб », является, по мнению поэтессы, массовый туризм, жестоко вторгающийся в живую ткань старинных городов, нарушающий их стройность и хрупкое равновесие.

Гармоничное сосуществование разных компонентов возможно лишь в сфере природы, нетронутой человеческой рукой, подчиненной извечному ритму увядания и возрождения, стабильной в своей изменчивости. Недаром поэтесса, рисуя картину итальянского озера, усматривает в «сочетании красок и линий», в созвучной игре черных пиний на фоне белизны стен, проявление мудрости натуры.

Географическая и этнографическая конкретика обогащается в *Путевой тетради* рефлексивно-эмоциональной линией; передаче внешних впечатлений сопутствует движение поэтической мысли. Чистое пространство, достоверное, географически обозначенное, не интересует поэтессу и поэтому не является смыслообразующей осью цикла. Отдельные картины наталкивают Лахман на размышления о разобщенности временных пластов. Лирический субъект, преклоняясь перед величественным прошлым Европы, его вечными ценностями культуры, изображает его гибель под засильем современной цивилизации. Таким образом цикл Лахман вписывается в ряд тех стихотворных путешествий, общим мотивом которых является превращение «Старого континента» в мекку для туристов-простачков. Эта традиция зародилась в русской поэзии в XIX веке. Противопоставление античной культуры меркантилизму современности находим уже в стихах Федора Тютчева и Аполлона Майкова. Александр Блок, продолжая эту тенденцию, в цикле *Итальянские стихи* (1909) писал об утраченном величии Римской Империи. Убеждение в упадке Европы, задыхающейся от тупой обывательщины и корыстолюбия, выразил и Владислав Ходасевич в сборнике *Европейская ночь* (1922). Горькие размышления о вырождении культурных источников Европы скрепляют также циклы русских поэтов рубежа XX и XXI веков: Льва Лосева (*Итальянские стихи*, 1996), Анатолия Наймана (*Итальянские стихи*, 2000), Тимура Кибирова (*Sfiga*, 2000) и Евгения Рейна (*Старая Англия, Новая Англия*, 2003)¹⁶.

В цикле Лахман из внешней пестроты деталей и ситуаций строится не только обобщенная, генерализирующая характеристика мира, но и образ лирического субъекта. В его рефлексиях

¹⁶ С. Гудкова, В. Самойленко, *Лирический цикл путешествий в русской поэзии рубежа XX–XXI веков: традиции и новаторство*, <https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskiy-tsikl-puteshestviy-v-russkoy-poezii-rubezha-xx-xxi-vekov-traditsii-i-novatorstvo/viewer> (13.07.2020).

и оценках, мотивируемых увиденным, отражается его мироощущение и система ценностей. Важную роль в процессе постижения внутреннего мира лирического «я» играет монтажная композиция цикла, благодаря которой каждая его часть, будучи вполне автономной, одновременно открыта для взаимосвязи с другими отрывками целого. В результате из совокупности отдельных кадров и порождаемых ими беглых наблюдений, недосказанных мыслей, попутных замечаний, возникает цельный, единый в плане эмоциональной тональности портрет лирического «я». Оно предстает не как заурядный турист, а как вдумчивый путник, замечающий падение высокой европейской культуры и озабоченный этим процессом.

Некие пассажи цикла дают основание рассматривать его в автобиографическом ракурсе. Заметим сперва, что принцип автобиографизма, согласно которому «Поэт пишет как бы не о себе и в то же время именно о себе. [...] пишет о себе, но раскрывает свое духовное, свое поэтическое «я» не обязательно через реальные события [...]»¹⁷, приобретает особенное значение в случае произведений эмигрантов. С одной стороны, для них характерно особенное понимание творчества, в котором в произведении искусства транспонируется жизненное положение автора:

Писатель-эмигрант, лишенный корней и вынужденный приспособляться к их отсутствию, рассматривает писание не только как возможность формирования жизненного пространства, но и как возможность авторефлексии и конструирования или реконструирования «я» после пережитой травмы эмиграции¹⁸.

С другой стороны затруднения русских беженцев-обладателей нансеновских паспортов в свободном перемещении по Европе сказались на эмигрантских травелогах, в большинстве представляющих собой «[...]воспоминания, описания духовных, фиктивных, порою очень давних путешествий, или же путешествий испорченных, трудных, и лишь в малой степени — опи-

¹⁷ Д. С. Лихачев, *Размышления над романом Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго»* // *Перечитывая заново: литературно-критические статьи*, Художественная литература, Ленинград 1989, с. 136–137.

¹⁸ Л. Д. Бугаева, *Мифология эмиграции: геополитика и поэтика* // L. Bugaeva, E. Hausbacher (ред.), *Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts*, Peter Lang, Frankfurt am Main 2006, с. 64.

сания, базирующиеся на фактической основе действительно совершенного путешествия»¹⁹.

С точки зрения генологии фактическая достоверность изображаемого передвижения не является ключевым принципом организации поэтических путешествий²⁰. В ряду произведений реализована модель воображаемого или предвкушаемого путешествия или его пародийный вариант — «путешествие без путешествия»²¹. Также в теоретических работах требование документальности и автобиографичности по отношению к путешествиям в стихах выдвигается всего лишь как возможный признак жанра, а не как его необходимый критерий²².

Учитывая традицию жанра и исследовательские установки, можно сказать, что потенциальная автобиографичность *Путевой тетради* не является примарным вопросом. Она заметна не столько на уровне событий, сколько в образе лирического субъекта, который предстает как эмигрант, совершающий не туристический круиз по «Старому континенту», а ностальгическое путешествие в прошлое. Такие смыслы генерируются в стихотворении *Венеция*, в котором зарисовка города опирается на сравнение двух его обликов: давнего, возможно запомнившегося субъектом и современного, увиденного вновь спустя многие годы:

Не изменился город дожей
Хотя прошло так много лет. [...]

Гондолы тихо, в сладкой лени,
Скользят, как в прежние года. [...]

¹⁹ Г.-Б. Колер, *Вездесущность и глубина...*, с. 251.

²⁰ Е. В. Юферева, *Динамика путешествий в стихах: жанровый и геопоэтический аспекты...*, с. 89.

²¹ Там же, с. 103–122.

²² В этой функции упоминается синтез документального и беллетристического начал, «пограничность фактуальности и фикциональности», сочетание правды и иллюзии. Ср.: В. М. Гуминский, *Путешествие // В. М. Кожевников, П. А. Николаев (ред.), Литературный энциклопедический словарь*, Советская энциклопедия, Москва 1987, с. 314–315; В. А. Шачкова, *Путешествие как жанр художественной литературы: вопросы теории*, «Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского» 2008, № 3, с. 277–281; А. А. Майга, *Литературный травелог: специфика жанра*, «Филология и культура. Philology and Culture» 2014, no. 3 (37), с. 254–260.

На площади Святого Марка,
 Как прежде, кормят голубей, [...]
 И ряд дворцов все так же пышен.

Универсальное переплетается в данном монологе с личным, размышления о былом величии Венеции сопряжены с неназванными, но подразумеваемыми воспоминаниями субъекта. Однако, это всего лишь намек. Стихотворение *Прогулка по Босфору* завершается более выразительной автобиографической рефлексией:

Знаю, часто вспоминать я буду,
 Постоянно будут сниться сны
 О волнах, прорвавшихся оттуда, —
 Из моей страны.

Завершающая стихотворение синекдоха Черного моря — это не просто утверждение географической близости России, она может быть прочитана и как ссылка на крымскую эвакуацию, один из последних эпизодов гражданской войны, во время которого 150 тысяч русских солдат армии генерала Врангеля и штатских, покинули страну, перебравшись через Черное море, преимущественно в Стамбул. Неизвестно, была ли среди них Лахман, но не можем исключить такую возможность. Так или иначе, субъект стихотворения возвращается к знакомым местам, совершает путешествие в прошлое, как личное, так и общее.

Лирическое «я» движется по кругу не только во временном, но и в пространственном плане. В первом стихотворении цикла субъект заявляет о своем полете на восток («где могут слиться Запад и Восток»), а порядок очередных стихов раскрывает движение в обратном направлении, на запад: из Анатолии через Босфор, Италию, во Францию. Однако, как уже было сказано, начало и конец поездки в Европу не обозначены, описание путешествия остается незавершенным, его цель — неясной. Фрагментарность *Путевой тетради* выявляет ее связь с жизненным планом: поскольку человеческая жизнь неисчерпаема, и она не может целиком поместиться в стихи, туда попадают лишь отрывки из мозаики жизненных проявлений, бурного потока, жадно вбираемого лирическим субъектом. Таким образом «фрагмент становится концентрированным образом действительности»²³,

²³ Е. В. Юферева, *Динамика путешествий в стихах: жанровый и геопоэтический аспекты...*, с. 96.

а *Путевую тетрадь* можно рассматривать как конденсированный лирический образ избранных отрезков внелитературной реальности. Если посмотреть на цикл с точки зрения его функциональности, как на коммуникативную структуру, организованное целое, все элементы которого обусловлены вербальным и ситуативным контекстом²⁴, то можем сказать, что перемещение лирического «я» в физическом пространстве, посещение им очередных европейских локусов, выступает не как предмет сообщения («то, о чем сообщение»), а как его отправная точка²⁵, его данная, известная основа. Скрытая за ним рефлексия по поводу протекания и разобщенности времени предстает как смысловое ядро цикла, его коммуникативный центр. Внешняя, событийная канва цикла играет служебную роль по отношению к его глубокой, метафоричной сущности.

Та же игра двух ипостасей путешествия: буквальной в функции исходной точки высказывания и переносной в функции основного содержания сообщения, — присуща многим другим стихотворениям Лахман. За разнообразными изображениями мобильности лирического субъекта всегда скрывается определенная семантическая надстройка, образ человеческого существования, данный в онтологическом, эпистемологическом или аксиологическом ракурсе. В текстах обыгрывается мотив памяти или сновидения как пути в прошлое (*Серебряная пыль, Все в мире круто изменилось..., В эту ночь смятенья и печали..., Отъезд [Лисабон, 1940]*). В любовной лирике путь и связанная с ним «дорожная лексика» являются выражением амплитудных взаимоотношений любовников (*Вариации на тему, Нас ангелы оберегали..., Ты пришел. Без ключа, без отмычки..., Всему, всему наперекор..., Мы с тобой создавать не умели...*). Изображая разные инварианты межличностных «путей сообщения», поэтесса делает акцент на противоположных точках: начальной и конечной, с их смысловыми разновидностями: отъезд–приезд, расставание–встреча, прощание–приветствие, удаление–возвращение. Этому сопутствует повышенная семантика вводимых в художественное пространство топосов дома (порога, крыльца,

²⁴ J. Firbas, *Thoughts on the communicative function of the verb in English, German and Czech*, «Brno Studies in English» 1959, bd. 1, c. 34.

²⁵ M. Davies, *Theme, information and cohesion* // J. Hladký (ред.), *Language and Function: to the memory of Jan Firbas*, John Benjamin Publishing Company, Amsterdam 2003, c. 96.

двери), вокзала, порта или гостиницы, которые вслед за Мирче Элиаде можем определить как «парадоксальные места».

Путь и путешествие выступают у Лахман также метафорой протекания времени и сопряженной с ним кратковременности человека (*Щедры дни и ночи разметало время..., Так радостно и, кажется, вчера...*), а также — его одиночества (*Я не хочу стучать в чужие двери..., Пароходы, письма, поезда...*). Среди стихотворений Лахман есть также и такие, в которых поэтесса ссылается на платоновский миф о путешествии бессмертной души, изначально обитающей в сфере «чистого бытия», но из-за своего несовершенства падающей в земное пространство и вселяющейся тогда в то или иное тело (*И неродившийся, и навсегда уснувший..., Рождение первенца, Я в полудреме в вечность заглянула...*). И, наконец, в ряде стихотворений осуществляется мотив *peregrinatio vitae*, с которым сопряжен образ лирического субъекта как *homo viator*. Пребывание в пути становится константным признаком его бытия, основным проявлением его жизненной активности. Присущая ему подвижность мотивируется не поверхностными импульсами (стремлением «коллекционировать» все новые впечатления, желанием отдохнуть, развлечься, убежать от чего-нибудь, и т.п.), а внутренней, природной потребностью понять мир, уловить его суть, постичь его сокровенные закономерности, прикоснуться к феномену самой жизни. Отождествление пребывания в пути со стремлением узнать и понять мир приближает поэзию Лахман к платоновскому пониманию философии как познавательной практики, состоящей из беспрестанных поисков истины, попыток приобрести мудрость посредством познания. Поэтесса создает собственную философию путешествия, согласно которой оно предстает одновременно как основной модус человеческого бытия, залог познания и мерило достоинства личности.

В обеих книгах стихов Лахман путешествие играет роль мета-сюжета, организующего внутреннюю логику отдельных произведений, оно служит некой общей, «надстиховой» идеей²⁶, в которой заключено «целостное авторское представление о мире во всех его сложностях и противоречиях»²⁷.

²⁶ Д. М. Магомедова, *Книга стихов в творчестве Андрея Белого и поэтика романтического вокального цикла // Стих. Язык. Поэзия. Памяти М. Л. Гаспарова*, РГГУ, Москва 2006, с. 343.

²⁷ И. В. Фоменко, *Лирический цикл: становление жанра, поэтика*, ТвГУ, Тверь 1992, с. 21.

Рассмотренный цикл путевых заметок — это типичная для литературы русского зарубежья разновидность травелога, направленного против обычных туристических изображений и состоящего в особом понимании странствования как пути по земной истории человечества. Целью путешествия является не место, а критика современной культуры и поиски духовной опоры, которая позволила бы позитивно переосмыслить тяжелый опыт эмиграции.

REFERENCES

- Adamovich, Georgiy Viktorovich. “Dva sbornika stikhov.” *Novoye russkoye slovo*, 1966, 3 iyulya [Адамович, Георгий Викторович. “Два сборника стихов.” *Новое русское слово* 1966, 3 июля].
- Aleksandrov, Yevgeniy. *Russkiye v Severnoy Amerike: Biograficheskiy slovarʹ*. Kh-enden–San-Frantsisko–Sankt-Peterburg: Kongress russkikh amerikantsev–Sankt-peterburgskiy Gosudarstvennyy Universitet, 2005 [Александров, Евгений. *Русские в Северной Америке: Биографический словарь*. Хэмден–Сан-Франциско–Санкт-Петербург: Конгресс русских американцев — Санкт-петербургский Государственный Университет, 2005].
- Berezov, Rodion. “Plennyye slova.” *Soglasiye*, 1953, Vol. 17: 20–21 [Березов, Родион. “Пленные слова.” *Согласие* 1953, no. 17: 20–21].
- Bisk, Aleksandr. “O stikhakh Gizelly Lakhman.” *Novoye russkoye slovo*, 1952, 28 dekabrya [Биск, Александр. “О стихах Гизеллы Лахман”. *Новое русское слово* 1952, 28 декабря].
- Brzykcy, Jolanta. “Na górskich ścieżkach i na życiowym szlaku. Motyw drogi w poezji Gizelli Lachman.” *Slavia Orientalis*, 2021, no. 2: 385–400.
- Brzykcy, Jolanta. “Świat jako tranzyt. Poetyka przestrzeni w poezji Gizelli Lachman.” *Studia Rossica Posnaniensia*, 2021, no. 2: 11–25.
- Bugayeva, Lyubovʹ Dmitriyevna. *Literatura i rite de passage*. Sankt Peterburg: Izdatelʹskiy Dom “Petropolis”, 2010 [Бугаева, Любовь Дмитриевна. *Литература и rite de passage*. Санкт Петербург: Издательский Дом “Петрополис”, 2010].
- Bugayeva, Lyubovʹ Dmitriyevna. “Mifologiya emigratsii: geopolitika i poetika.” *Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts*. Bugayeva, Lyubovʹ Dmitriyevna, and Hausbacher, Eva (Eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006: 51–71 [Бугаева, Любовь Дмитриевна. “Мифология эмиграции: геополитика и поэтика.” *Ent-Grenzen. Intellektuelle Emigration in der russischen Kultur des 20. Jahrhunderts*. Bugayeva, Lyubovʹ Dmitriyevna, and Hausbacher, Eva (Eds.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006: 51–71].
- Davies, Martin. “Theme, information and cohesion.” *Language and Function: to the memory of Jan Firbas*. Hladký, Josef (Ed.). Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2003: 89–110.
- Demidova, Olʹga Rostislavovna. “Pisatelʹnitsy russkoy emigratsii: dvazhdy Drugiye.” *Izgnanʹye kak poslanʹye: estezis i etos russkoy emigratsii*. Demidova, Olʹga

- Rostislavovna. Sankt Petersburg: Russkaya kul'tura, 2015: 194–207 [Демидова, Ольга Ростиславовна. “Писательницы русской эмиграции: дважды Другие.” *Изгнание как посланье: эстетизм и этос русской эмиграции*. Демидова, Ольга Ростиславовна. Санкт Петербург: Русская культура, 2015: 194–207].
- Fedoruk, Oleksandr Kasyanovych. “Lirychnе dyvo Hizely Lakhman.” *Peretyп znaku: Vybrani mystetstvoznavchi statti: U 3 kn.* Kn. 2: *Ukrayins'ka kul'turolohiya. Istoriya ta teoriya mystetstva. Postati. Narodna tvorchist'. Retsenziyi.* Fedoruk, Oleksandr Kasyanovych. Kyiv: FENIKS, 2007: 9–26 [Федорук, Олександр Касянович. “Ліричне диво Гізели Лахман.” *Перетин знаку: Вибрані мистецтвознавчі статті: У 3 кн.* Кн. 2: *Українська культурологія. Історія та теорія мистецтва. Постаті. Народна творчість. Рецензії.* Федорук, Олександр Касянович. Київ: ФЕНІКС, 2007: 9–26].
- Firbas, Jan. “Thoughts on the communicative function of the verb in English, German and Czech.” *Brno Studies in English*, 1959, Vol. 1: 34–65.
- Fomenko, Igor' Vladimirovich. *Liricheskiy tsikl: stanovleniye zhanra, poetika.* Tver': Tverskoy Gosudarstvennyy Universitet, 1992 [Фоменко, Игорь Владимирович. *Лирический цикл: становление жанра, поэтика*. Тверь: Тверской Государственный Университет, 1992].
- Garetto, El'da. “Puteshestviye i izgnaniye.” *Russian Literature*, 2003, no. 53, Vol. 2–3: 173–180 [Гаретто, Эльда. “Путешествие и изгнание.” *Russian Literature*, 2003, no. 53, ч. 2–3: 173–180].
- Gudkova, Svetlana. Samoylenko, Viktoriya. “Liricheskiy tsikl puteshestviy v russkoy poezii rubezha XX–XXI vekov: traditsii i novatorstvo.” [Гудкова, Светлана. Самойленко, Виктория. “Лирический цикл путешествий в русской поэзии рубежа XX–XXI веков: традиции и новаторство.”] <<https://cyberleninka.ru/article/n/liricheskiy-tsikl-puteshestviy-v-russkoy-poezii-rubezha-xx-xxi-vekov-traditsii-i-novatorstvo/viewer>>.
- Guminskiy, Viktor Miroslavovich. “Puteshestviye.” *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'*. Kozhevnikov, Vadim Mikhailovich, and Nikolayev, Petr Alekseyevich (Eds.). Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1987: 314–315 [Гуминский, Виктор Мирославович. “Путешествие”. *Литературный энциклопедический словарь*. Ред. Кожевников, Вадим Михайлович. Николаев, Петр Алексеевич. Москва: Советская энциклопедия, 1987: 314–315].
- Kochubey, Yuriy. “Dunoveniye Serebryanogo veka (Vstupitel'noye slovo).” *Izbrannaya poeziya.* Lakhman, Gizella. Kyev: Triumf, 1997: 5–6 [Кочубей, Юрий. “Дуновение Серебряного века (Вступительное слово).” *Избранная поэзия*. Лахман, Гизелла. Киев: Триумф, 1997: 5–6].
- Koler, Gun-Brit. “Vezdesushchnost' i glubina: 'Puteshestviye vneizvestnyy kraj' Yuriya Terapiano v kontekste travelogov russkoy emigratsii.” *Beglyye vzglyady. Novoye prochteniye russkikh travelogov pervoy treti XX veka. Sbornik staty.* Kissel', Vol'fgang Stefan (Ed.). Time, Galina Al'bertovna (Transl.). Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010: 247–270 [Колер, Гун-Брит. “Вездесущность и глубина: ‘Путешествие в неизвестный край’ Юрия Терапиано в контексте травелогов русской эмиграции.” *Белые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей*. Ред. Киссель, Вольфганг Стефан. Перевод Тиме, Галина Альбертовна. Москва: Новое литературное обозрение, 2010: 247–270].

- Kreyd, Vadim. "Lakhman Gizella Sigizmundovna." *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2001, no. 3 (5): 190–192 [Крейд, Вадим. "Лакман Гизелла Сигизмундовна." *Новый исторический вестник* 2001, no. 3 (5): 190–192].
- Lakhman, Gizella. *Izbrannaya poeziya*. Kiyev: Triumf, 1997 [Лакман, Гизелла. *Избранная поэзия*. Киев: Триумф, 1997].
- Leving, Yuriy. "'Akhmatova russkoj emigratsii' — Gizella Lakhman." *Novoye Literaturnoye Obozreniye* 2006, no. 5: 164–173 [Левинг, Юрий. "'Ахматова русской эмиграции' — Гизелла Лакман." *Новое Литературное Обозрение* 2006, no. 5: 164–173] <<https://magazines.gorky.media/nlo/2006/5/ahmatova-russkoj-emigraczii-gizella-lahman.html>>.
- Likhachev, Dmitriy Sergeyeovich. "Razmyshleniya nad romanom B.L. Pasternaka 'Doktor Zhivago'." *Perechityvaya zanovo: literaturno-kriticheskiye stat'i*. Likhachev, Dmitriy Sergeyeovich. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989: 135–146 [Лихачев, Дмитрий Сергеевич. "Размышления над романом Б.Л. Пастернака 'Доктор Живаго'." *Перечитывая заново: литературно-критические статьи*. Лихачев, Дмитрий Сергеевич. Ленинград: Художественная литература, 1989: 135–146].
- Magomedova, Dina Makhmudovna. "Kniga stikhov v tvorchestve Andreya Belogo i poetika romanticheskogo vokalnogo tsikla." *Stikh. Yazyk. Poeziya. Pamyati M.L. Gasparova*. Moskva: RGGU, 2006: 336–342 [Магомедова, Дина Махмудовна. "Книга стихов в творчестве Андрея Белого и поэтика романтического вокального цикла." *Стих. Язык. Поэзия. Памяти М.Л. Гаспарова*. Москва: РГГУ, 2006: 336–342].
- Mayga, Abubakar Abdulvakhidu. "Literaturnyy travelog: spetsifika zhanra." *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, 2014, no. 3 (37): 254–260 [Майга, Абу Bakar Абдулвахиду. "Литературный трaвeлог: специфика жанра." *Филология и культура. Philology and Culture*, 2014, no. 3 (37): 254–260].
- Mazurov, Aleksandr. "Tomik stikhov Gizelly Lakhman". *Russkaya zhizn'*, 1953, no. 2811 (21 fevralya) [Мазуров, Александр. "Томик стихов Гизеллы Лакман". *Русская жизнь*, 1953, no. 2811 (21 февраля)].
- Ndiaye, Iwona Anna. "'Chemodannaya zhizn' russkikh emigrantov v 'Vospominaniyakh' Teffi." *Twórczość Rosyjskiej Zagranicy — satyra i memuarystyka*. Marczenko, Tatiana, and Ndiaye, Iwona Anna, and Nikolajew, Dmitriy (Eds.). Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2018: 109–117 ["'Чемоданная жизнь' русских эмигрантов в 'Воспоминаниях' Тэффи." *Twórczość Rosyjskiej Zagranicy — satyra i memuarystyka*. Marczenko, Tatiana, and Ndiaye, Iwona Anna, and Nikolajew, Dmitriy (Eds.). Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie, 2018: 109–117].
- Shachkova, Vasilisa Aleksandrovna. "Puteshestviye kak zhanr khudozhestvennoy literatury: voprosy teorii." *Filologiya. Iskusstvovedeniye. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008, no. 3: 277–281 [Шачкова, Василиса Александровна. "Путешествие как жанр художественной литературы: вопросы теории." *Филология. Искусствоведение. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2008, no. 3: 277–281].
- Skibina, Ol'ga Mikhaylovna. "Putevoy ocherk: sinkretizm zhanra (na primere russkoj publitsistiki XIX veka)." *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2014, no. 4: 89–97 [Скибина, Ольга Михайловна. "Путевой очерк: синкретизм жанра (на примере русской публицистики XIX века)." *Вопросы теории и практики журналистики*, 2014, no. 4: 89–97].

- Terapiano, Yuriy. "Novyye knigi." *Russkaya mysl'*, 1966, no. 2428 (19 fevralya) [Терапиано, Юрий. "Новые книги." *Русская мысль*, 1966, no. 2428 (19 февраля)].
- Time, Galina Al'bertovna. "Izgnaniye kak puteshestviye: russkiy vzglyad Drugogo (1920-ye gody)." *Beglyye vzglyady. Novoye prochteniye russkikh travelogov pervoy treti XX veka. Sbornik statey*. Kissel', Vol'fgang Stefan (Ed.). Time, Galina Al'bertovna (Transl.). Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye, 2010: 235–247 [Тиме, Галина Альбертовна. "Изгнание как путешествие: русский взгляд Другого (1920-е годы)." *Беглые взгляды. Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века. Сборник статей*. Ред. Киссель, Вольфганг Стефан. Перевод Тиме, Галина Альбертовна. Москва: Новое литературное обозрение, 2010: 235–247].
- Yablonovskiy, Sergey. "Plennyye slova." *Russkaya mysl'*, 1953, no. 544 (10 aprelya) [Яблоновский, Сергей. "Пленные слова." *Русская мысль*, 1953, no. 544 (10 апреля)].
- Yufereva, Yelena Vladimirovna. "Dinamika puteshestviy v stikhakh: zhanrovyy i geopoeticheskiy aspekty." Yufereva, Yelena Vladimirovna. *Dinamika periferiynykh zhanrov v russkoy poezii vtoroy poloviny XIX veka. Monografiya*. Kiyev: Vydavnychuydim Dmytra Buraho, 2014: 71–183 [Юферева, Елена Владимировна. "Динамика путешествий в стихах: жанровый и геопозитический аспекты." Юферева, Елена Владимировна. *Динамика периферийных жанров в русской поэзии второй половины XIX века. Монография*. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2014: 71–183].
- Yufereva, Yelena Vladimirovna. "Fragmentarnost' kak zhanroformiruyushchiy priznak poeticheskogo puteshestviya." *Visnyk Zaporiz'koho natsional'noho universytetu. Seriya: Filolohichni nauky*, 2009, no. 2: 116–122 [Юферева, Елена Владимировна. "Фрагментарность как жанроформирующий признак поэтического путешествия." *Вісник Запорізького національного університету*. Серія: Філологічні науки, 2009, no. 2: 116–122].